

АНДРЕЙ РУДАЛЁВ

МЁРТВЫЕ ВОДЫ СОВРЕМЕННОГО ПОТОПА

В интервью газете “Культура” Сенчин рассказал, что написание книги “Зона затопления” его “благословил” Валентин Распутин. Великий писатель уже разуверился в том, что можно хоть как-то изменить ситуацию. “На одном литературном мероприятии год назад, – рассказывал Сенчин, – я спросил Валентина Григорьевича, можно ли сегодня писать о новых ГЭС и переселении из деревень”. Не секрет, что в литературе есть закрытые темы – после великого произведения глупо говорить о том же самом. “Прощание с Матёрой” – как раз такой текст. Вроде бы всё сказано, поставлена точка. Но жизнь продолжается, появляются новые грани... Я, конечно, с ним об этом не рассуждал. Только спросил – можно ли. Распутин, воспрянув, ответил: “Конечно. Нужно. Нужно бить в набат”. И добавил, что у него сил уже нет и веры нет, что его слово что-то изменит. В 2009 году он и ещё несколько человек совершили поездку по Ангаре от Иркутска до плотины Богучанской ГЭС. Это и стало основой для фильма “Река жизни”. Тяжёлая картина, горькие слова говорят пожилые люди. И от Ангары-то почти ничего не осталось – цепь водохранилищ...”

Основная тема книги Сенчина – то, как “мы своими руками уничтожаем свою родину”. В книге “Зона затопления” большие территории уходят под воду, а людей насильно сгоняют с земель. Всё это в перспективе может спровоцировать и большой исход, и гигантский распад...

ГЭС в “Зоне затопления” – “имиджевый плюс” для власти. Через неё она “отбивается от упреков, что ничего в стране не строится, не производится”. Эти упреки сыпались все постсоветские десятилетия. Новое государство, возникшее на обломках империи, многими воспринималось как паразитическое, живущее лишь на наследии той большой страны.

Здесь возникает проблема подменного, ложного, неискреннего, что “новый реалист” Сенчин неизменно фиксирует в “новых реалиях”. В них пустота лишь заретуширована системой имитаций. Она приспособливается, мимикрирует под востребованную повестку дня, транслирует ту риторику и те образы, которых ждут от неё в данный момент массы. Так они погружаются в иллюзорную реальность, лишаются чувства действительности и не могут ответить на вопрос: “Чего вы хотите?”

Эта имитация приходит на смену основательного, векового. Те же избы в затопляемых селах были, как крепости, готовые простоять хоть вечно. Теперь их сжигают бригады зеков. Чужих, временных людей на этой древней земле, ставшей вдруг временной и чужой для дня завтрашнего.

Имитация — это и генплан развития Большаковского сельсовета до 2030 года. Ссылку на него журналистка краевой газеты “Голос рабочего” Ольга получила по почте. Там и про “рациональное использование территорий”, и про “создание оптимальных условий для жизни” — всё под копирку. “Генплан развития переставших существовать сёл”, которые станут дном водохранилища. Всё это за десять миллионов рублей. Как это типично по нынешним временам и давно уже никого не удивляет. “Миражи на дне” — придумала Ольга название статьи. Миражное видит и Сенчин во всех современных реалиях.

Миражным являются блеск и внешнее благополучие города-миллионника Красноярска, где из-за яркого современного внешнего облика “трудно было поверить, что покрытые декоративной обшивкой стены гнилы, под фасадом — ржавые трубы”, ну а люди находятся в “трясине долгов по кредитам”. И “никто по-настоящему не застрахован, не защищён”.

Миражной стала и глухая, недоступная даже для журналистов власть. Если раньше акул пера боялись, реагировали на их сигналы, разбирались, то сейчас всё растворяется в пустоте, так же как и попытка журналистки вывести аферу с халтурным генпланом на чистую воду.

В то же время, по мнению местных представителей власти, “район, где реализуются столь масштабные проекты”, — будущее России. Система имитаций, умножающих пустоту, герметичная, как вещь-в-себе, власть, плодородная земля, которую зальёт тухлая вода и превратит её в нежилое место, в дно водохранилища, — это будущее?..

“Вам надо, чтоб нас не было, а мы — будем!” — сказал герой романа Дмитрий Масляков важным шишкам из дирекции строительства ГЭС. Автор фиксирует отношение власти к простым людям, “как к чему-то лишнему, путающемуся под ногами, мешающему двигать важное, значительное вперёд”. Это ведь тоже отчуждение, разобщение.

Миражная реальность разносит вирусы распада, разложения. Размечаются люди, которые раньше жили вместе. Происходит отчуждение и среди близких людей, как у четы Масляковых. У них, как пишет автор, “словно разорвалось то, что их связывало, заставляло быть одним целым”. Они больше не могли жить вместе.

В семье Брюхановых “тоже трещина за трещиной. Без криков, скандалов, медленно, но явно разваливалась семья”. Супруги постепенно становились чужими друг другу.

“А почему вы не стали сопротивляться, когда сказали, чтоб уезжать?” — спросила у родителй дочка в стиле сенчиновской повести “Чего вы хотите?” Вопрос о сопротивлении часто возникает в книге. Но и тут выясняется, что корень всех проблем в “разобщённости людей”. В “цивилизованном обществе” в такой ситуации люди бы объединились и потребовали весомой компенсации, а “так — каждый поодиночке стремится выцарапать условия получше, но в итоге все чувствуют себя обделенными, обиженными, обманутыми”.

Об этой разобщённости писал и Валентин Распутин в повести “Прощание с Матёрой”: “Люди забыли, что каждый из них не один, потеряли друг друга, и не было сейчас в друг друге надобности”. Происходит разрушение того, что казалось вечным, что связывало людей, объединяло их, — привычного уклада, заведенного порядка. Все это замещается непрочным, чужим, временным.

Никто не готов объединиться, подняться против несправедливости, даже при том, что эта несправедливость переживается крайне остро. Все “порастворились в этой жизни гадостной, приспособились”, — пишет Сенчин. Эта тема приспособления к жизни, привычки — вообще крайне важная для его творчества. Приспособившийся человек становится чем-то вроде насекомого. Своеобразный отзвук фамусовского общества, “кристаллической решёткой” которого как раз и является привычка. “Нам не надо больше перемен”, — крутят в последнее время на музыкальных каналах песню молодого человека, посвященную 15-летию президента у власти.

А где же и что же тогда будущее? Пустота и туман?

Книга Сенчина начинается со смерти. Смерть становится стихией книги, её несут мёртвые воды. Будущее — пустота, в которой разгуливает ветер (“Впереди уже погуливал в пустоте ветер” — параллель с Распутиным).

“Только вот не будет будущего года. Даже снега утром она не увидит”; “теперь не до весны — теперь никогда”; “не будет весны тут. Вот они — одна, другая, третья — надписи на воротах: “Прощай, отчий дом”, “Не забудем Ро-

дину!”, “Плачем и рыдаем”... “Кладбище, кладбище. Погост” – ощущение жизни в тупике, давящей, гнетущей пустоты создаёт апокалиптическую картину. Люди, которых обрели на переселение, “не представляли свою жизнь не здесь – не здесь была чёрная пустота...” Поэтому и книга начинается со смерти. Описанием того, как вода начинает заливать кладбище, она завершается. Чёрная пустота наступает...

На месте села Пылёво, основанного в 1667 году, будет “дикое место”: “дикое мёртвое место над мёртвой стоящей водой”. А раньше “знал народ, как жить, чем жить, для чего...”, и было крепко всё, основательно, на века. Сильный запах “запустения и гнили” ощущался и в распутиновской Матёре. Да и народ растерял знание, как жить. Сам он запутался, не знает, что делать. Не скажет теперь ему никто. И этих людей жаль.

Теперь “новые времена” для села Большакова – это ожившее после развала и гибели государство, решившее строить ГЭС. В своё время люди приспособились, научились жить без надежды на его помощь, “стали сами себе хозяева”, и вот государство их принялось выкорчёвывать. Перечёркивать их жизнь, прошлое, чтобы сделать из всего этого электричество, которое можно было бы продавать в Китай.

В селе на месте клуба раньше стояла деревянная церковь. Её помнили “закрытой, пустой, чёрной”. В своё время, когда “стали строить новую жизнь”, “церковь решено было снести”. Причём “снесли без сожаления... Будто гнилой коровник убрали”. Каждый раз “новая жизнь” начинается с выкорчевки прошлой. В финале книги вода “щупальцами” через кладбищенские холмики проникает на кладбище и делает землю чёрной. Земля исчезала, превращаясь в дно. Чёрное разъединяет, это дыра, провал. После того как в центре Матёры сожгли избы, образовалась “чёрная дымящаяся яма”, она разделила деревню, и та распалась на две половины.

“Пропа-ала река... Про-ало всё-о...” – этот гул звучал в голове Алексея Брюханова. После участия в переносе могил из родного села Пылёво Брюханов заболел сибирской язвой, а бывший глава сельсовета Ткачук и вообще не пережил это. Всё пропитано мертвенностью, пустотой, и это заразно.

“Цивилизация требует жертв”, – в шутку сказал в Большаково один молодой парень. Сама вода в Енисее становится “злая, избитая турбинами, очищенная от всего живого”. Этой водой будет “погублена лучшая земля”.

“Самая лучшая, веками ухоженная и удобренная дедами и прадедами, и вскормившая не одно поколение” земля затоплена и в Матёре.

Лучшая земля в мирежном мире разрастающейся пустоты, несущей смерть и разложение, превращается в “зону затопления” – неэффективную, не вписывающуюся в новые реалии. Это один из удалённых от цивилизации “медвежьих углов”, которых много в России.

“Человечество стремится к оптимизации, экономии, а вот эти деревушки с сотней-другой упорных жителей тормозят прогресс. Ведь они не просто живут отдельно от большого мира, но и требуют, чтобы им привозили в магазин городские товары, был у них врач, клуб с киносеансами, школа, детский сад, рабочие места, которые по сути-то государству не нужны, убыточны”, – так думала журналистка Ольга из краевой газеты “Голос рабочего” до знакомства с этими самыми деревнями.

Увиденное же в зоне напоминает Ольге фильм “Иди и смотри”, который она видела в школьные годы: “Огонь, плач, крики, метание людей, лошадей, кур. Мужики с канистрами... Чудом каким-то обошлось без погибших...” Оставленное село видится, как “недавно освобождённое от захватчиков место”.

Схожие мысли высказывал у Валентина Распутина младший сын Павла Андрей: “Когда-то, наверное, и на нашу Матёру, казалось, зачем идти? Земли, что ли, без неё не хватало? А кто-то пришёл и остался – и вышло, что без Матёры и правда земля не хватало. А сын его пошёл дальше – не все же тут задерживались. А сын сына ещё дальше. Это закон жизни, и его не остановить, и их, молодых, тоже не остановить. На то они и молодые”. По словам Андрея, молодые стремятся к новому, а пожилые должны оставаться на обжитых местах.

Однако в действительности всё страшнее: люди обживают дикие места, те самые “медвежьи углы”, но когда в них отпадает необходимость – “кончился деловой лес, иссякло золото, не нужен стал асбест”, то и “городок становился лишним. И прекращал существовать”.

Алексей Брюханов в книге Сенчина устроился в лесоперерабатывающем комплексе в Колпинске, но оказалось, что его создали только для того, чтобы чем-то занять переселенцев, и всё производство было убыточным. “Пустоту делать поставили, чтоб чем-нибудь занимались”, – говорили мужики.

В книге появляется нечто левиафановское – сравнение государства с механизмом, стальным мутантом, производящим пустоту: “Представился огромный стальной мутант с сотнями шестерёнок, пил, наждаков, поршней, отвёрток, кувалд... Пыхтит, скрежещет и лезет, лезет на людей, не желающих сойти с дороги. Кувалды, наждаки, пилы бьют, долбят, скребют, режут...”

Алексея Брюханова мучил вопрос: “Разве нет других способов создавать электроэнергию, кроме как строить плотины, затопливать тысячи гектаров земли? Атомные станции ругают, но ведь они всё-таки разумней, чем вот это – то, что сделали у них. И их ГЭС не последняя, не доделка советского времени – собираются новую строить ниже по реке. И снова, значит будут топтать огромные территории, переселять людей, вырубать, жечь, бросать, судиться. Но большинство не заглядывает в причину – большинство ругает следствие коренной ошибки. Или как это назвать? Как назвать уничтожение части страны?”

Другой мучительный для него вопрос касается того, о чём писал Валентин Распутин, рассказывая о гибели Матёры. Писателя почитали, давали госнаграды и в то же время делали то, от чего Валентин Григорьевич, как совесть нации, предостерегал. Что это, властное лицемерие? Почему сейчас никто дружно всем миром не сплотится и не заявит: “Нельзя!” Видимо, ситуация аналогичная, как и с журналистикой: все вдруг стали слепоглухонемыми.

От всех этих неразрешённых вопросов Алексей Брюханов “ощущал в себе пустоту”, проживал, будто в пустоте или во сне, ощущал приступы нутряной пустоты.

В системе миражей и обманок человек теряет ориентацию в пространстве и времени. Становится подобием лермонтовского “Паруса”, который, с одной стороны, сам ищет бурю и смерть, а с другой – становится “летучим голландцем”, несущим бедствия для других. Об этом герое, попавшем в дурную бесконечность ситуации безнадеги, из которой он может вырваться только через личную смерть, Сенчин много и подробно пишет.

К примеру, герой сенчиновской повести “Конец сезона” Никита Сергеев мучительно страдает от осознания собственного бесконечного опоздания в жизни: “многое ему уже поздно. И с каждым годом этих “поздно” становилось всё больше, больше. Скоро и совсем что-нибудь элементарное совершить станет поздно”. Линия жизни уже прочно прочерчена: семья, работа. Что-то менять – чудовищно поздно, можно лишь только сожалеть и мучительно страдать от осознания того, что жизнь сложилась инерционно, так, а не иначе, как представлялось в фантазиях. Это тотальное опоздание преследует Сергеева. Ещё в юном возрасте, когда была совершенно иная ситуация, и казалось, что всё ещё “настоящее впереди”, в частности, воплощение мечты о карьере хоккеиста, его не приняли в хоккейную школу: сказали, что поздно учиться кататься на коньках.

Все эти рассуждения – временное явление, хандра. Привычка к сложившейся жизни побеждает, что-то ломать нет сил и возможности, время революций и героических личностей прошло, настал период нового фатализма – нужно слиться с фоном и всецело предаться неумолимой воле обстоятельств. Терзания героя Сенчина вполне можно проиллюстрировать строкой из песни Виктора Цоя: “Ты мог быть героем, но...”

Человек уже не хозяин себе, “просто подхватило всех их и несёт, несёт куда-то, не давая оглянуться... своим шагом мало кто ходит”, – рассуждает у Распутина старуха Дарья. По её мнению, “окаменел человек”, стал “дик”, да и сердце его “выстудилось”. Но ведь должно же быть какое-то за всем этим пробуждение?

Всё больше появляется распутинских Петрух, которые вначале сжигают свои избы, а потом нанимаются на работу по уничтожению-зачистке других, после на азарте зачищают и страну. Тема мельчания мужчины – важная для литературы так называемых “деревенщиков”, развивает её и Сенчин, потому как в период нашей новейшей истории она наиболее остро проявилась.

В финале “Зоны затопления” появляется ребёнок – шестилетний Никитка, его родители отправили погостить к своему дедушке – переселенцу из зо-

ны затопления Игнатию Андреевичу Улаеву. Игнатий Андреевич, который в деревне никогда не сидел сложа рук, отчего и возникло его деревенской прозвище “Молоточек”, теперь в пустой квартире живёт, как квартирант. Никитка оказался совершенно оторванным от корневой системы рода. Будто выкорчеванный, крутивший в руках айфон. Именно об этой оторванности, незащищённости говорил на кухне Улаева Генка. По его словам, в деревне “томился по чему-то такому, по другому. И вот попал в другое, и чувствую – потерял защиту”.

Вспоминается ещё один внук, о котором Сенчин писал в финале романа “Елтышевы”. Родион – единственный мужчина, оставшийся из семьи Елтышевых (сама фамилия происходит от слова “елтыш” – обрубок). Не зря в имени ребёнка отражается род, родня, родной. Хотя он и не знал ни своего деда, ни отца, ни фамилии, но в этом пятилетнем мальчике присутствует его род, и есть надежда на исправление родового проклятия, на перелом гнетущей инерции.

В “Зоне затопления” есть глава “Миражи на дне”. Мы уже достигли этого дна и уже живём в окружении этих самых миражей, или всё это – наша ближайшая перспектива, о которой он предупреждает? Повесть “Полоса” у Сенчина завершается фразой, что остаётся ждать изменений “в одну из двух сторон”: стать насекомым, свыкнуться и спокойно достигать дна или преодолеть эти самые миражи и увидеть реальность такой, как она есть.

Тенденцию ухода от выявления и обличения этой миражной реальности Сенчин видит у своих соратников по литературному поколению. А здесь недалеко и до привыкания, до инерции, которая может довести до того, что возможно всё, даже превратиться в насекомое. Как тут не вспомнить пример Грегора Замзы. Свой упрёк Роман сформулировал в статье “Новые реалисты уходят в историю”. В ней он приводит цитату Варлама Шаламова о новой прозе, которая есть “событие, бой, а не его описание. То есть – документ, прямое участие автора в событиях жизни”. По мнению Сенчина, его литературное поколение как раз и начинало в традиции шаламовской “новой прозы”, но потом “пресловутое писательское развитие очень скоро повело их от себя на поиски других, другого. Других людей, другого времени. С одной стороны, это понятно и неизбежно. А с другой...” Сам же Сенчин с завидным упорством нападает всё на те же мельницы, которые на самом деле являются чудовищными великанами.

На голой стене опустевшего дома в “Зоне затопления” – старая карта мира, где можно было увидеть названия уже давно исчезнувших государств: СССР, ГДР, Югославия... Разруха, распад начинается постепенно, с малой избы, а после разъедает целые империи. Если в повести “Полоса” Роман рассказывает о чуде, созданном подвижническими многолетними трудами одного реального человека, то в “Зоне затопления” уже нет места и надежды на чудо. Здесь – катастрофа и трагедия.

Сенчин – пессимист? Нет, он реалист. Человек, находящийся в самом центре события, боя. В этом есть что-то подвижническое и даже монашеское. Не зря многие, рассуждая о нём, утверждают, что он всё время пишет одну и ту же книгу. Таков подвиг. В этом деле он максималист. Пытается сорвать покров блестяшек, чтобы понять, куда движется страна. А здесь выбор невелик: всего два варианта. Вопрос: кто будет на дне – страна, которая становится всё менее обжитой, чужой, или те самые миражи, оккупирующие её? Останется ли один величественный непокорный распутинский “царский листвень”, через который “крепится остров к речному дну, одной матери земле”, а вокруг него – пустота?..